

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ КЕНТАВР

N1

Литературная газета "НОВОЙ ВОЛНЫ"

ПРАВО НА ОШИБКУ

или опыты по деметафоризации
пространства

Из всех искусств для нас важнейшим является Искусство - универсальный инструмент для одновременного наблюдения за ходом мысли и полетом фантазии. Оно представляет нам уникальную возможность, во-первых - всему верить, а во-вторых, в-третьих и в-сорок девятых - всем возражать. Что поделаешь - надо же поддерживать этот мир в некотором равновесии, хотя бы и в неустойчивом. Опаздывать на поезд, переворачивать песочные часы, подливать масло в огонь вековечной мечты человечества о равенстве и братстве.

Почему бесчисленные попытки приблизить искусство к жизни так ни к чему и не привели? Не в том ли причина, что мы постоянно имеем дело с Уходящей Натурой, с постепенным, но неуклонным исчезновением самой реальности, приближаясь к которой на достаточное расстояние можно лишь для того, чтобы исчезнуть вместе с ней? Окинув быглым взглядом пространство, в котором нам выпала честь жить и задавать себе так называемые проклятые вечные вопросы (быть или находиться? Иметь или понимать? На Колыме или на целине? Лампада или ламбада...), мы тут же заметим, что в этом вверенном нам пространстве от многих некогда реально существовавших вещей остались одни названия, оболочки и символы, или, проще сказать, метафоры, но зато в таком неизбытном количестве, что, заполнив этот новый мир почти целиком, они как бы его и построили, как бы и придали ему особую красоту и гармонию. Жить в этом мире - все равно, что поминутно наступать ногой на высохший гриб-джевик - щелчок, пыль, пустота и провал. Жить недобро. Зато мыслить и страдать - вполне комфортно.

О чём же помыслить и за что пострадать? Выбор велик. Остановимся на первом попавшемся в кустах рояле - на несостоительности попыток некоего условленного персонажа выйти за пределы так называемого массового сознания. В частности на доставшейся нам в наследство канонической ситуации, когда вся внутренняя борьба, переживаемая индивидуумом, сводится в конечном итоге лишь к перекачке его эротической энергии в общественно-политическую (и в итоге в общественно-бесполезную). Этот социально-полевой трансформатор все еще работает достаточно исправно. Лишь иногда, но не вполне понятным причинам, устойчивое конформное мышление дает сбой, и носитель его вдруг начинает вести себя, как естественный человек. Но, как правило, тут же сплюхивается и стремится исправить допущенную оплошность. Так появляются зачеркнутые слова и фразы в некоторых текстах, ритмические несообразности, вторжение "грязной прозы" в "чистую поэзию" и другие ошибки, нарушающие гармоническую безмятежность изложения или, по крайней мере, его структурную предсказуемость. Это право на ошибку есть своего рода заземляющее устройство, подчеркивающее дистанцию между объектом и наблюдателем. В частности, между словарным значением слова и его преображенным смыслом, рождающимся в объятиях контекста. Добавим сюда множественность позиций наблюдателя, погрязших во взаимных расприях и выражениях (личем, ни одна из них не получает мандата на руководящую роль). Добавим также возможную одушевленность самого "объекта", именуемого условным персонажем, который, несмотря на полное равнодушие совокупного на-

"БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ КЕНТАВР" задуман как орган эстетического наслаждения. Поэтому ни новости, ни спонсоры, ни реклама, ни даже излишнее количество читателей особого интереса для него не представляют. Его по-настоящему интересуют только две вещи - читать и писать.

"кот" говорить "kit". Все равно для кита не останется у них слова. Нет у них кита.

Ну, проволняется кыргыз-касацкая орда, ну, повсакивают на своих аграммы абраки. Пройдут в Мелитополе погромы. Заскрипит имперская телега.

Голод, холод. В Кремле - поляки. Мишка Отрельев. Тушинский вор. Вылупится из яйца русский коммерсант, тут же ему в роху и наплюют. Так и войдет он в наплеванной рожей в отечественную историю. Зашатается все, затрешил. И унесется в эту трещину одно-два поколения. Канут. Потом рассеется туман. Ах, глядь, империя стоит,

блудателя к его отдельно взятой судьбе, время от времени норовит влезть в душу и растопить-таки своей априорной трепетностью божественно-религиозный холод мироустройства. Добавим еще что-нибудь. И чем больше мы добавляем, тем выше степень заметафорированности осчастливленного нами пространства, тем полномочнее в нем самые немыслимые альянсы и контрадансы духовного и скатологического, идеального и маниакального, краеугольного и наносного. И вот уже можно сесть в кресло и с выражением усталой брезгливости или, скажем, блаженного идиотизма наблюдать за распадом, за расположением трех начал - Разумного, Доброго, Вечного - по трем декартовым осям, заметив, что они пересекаются только в нуле, в единственной сакральной точке, а потом уже нигде и никогда. А можно и попытаться сбалансировать, симметризовать ситуацию, но не бросаться в погоню за уходящей натурой, как рассеянный Ахиллес за быстроногой черепахой, а перетаскивая на своем горбу уцелевшие крупицы реальности, двигаясь от жизни к искусству вверх, в ослепительное ничто, подталкивая

Следом за поднебесной империей

Если бы мы пережили уже однажды окончательную и бесповоротную победу социализма, можно было бы поверить в будущую окончательную и бесповоротную победу капитализма и тогда все бросить, чтобы начать что-то продавать, покупать и перепродавать. Если б только не было заранее очевидным, что ведет этот процесс в никуда.

Где-то в прессе сообщалось, что отделилась Прибалтика, отломилась Молдавия, отпала Грузия. Нет, не верится этим слухам, потому что Российской империя бессмертна. Потому что она не географическое и не политическое понятие, а состояние души.

Ну, пошатываются с жевето-блакитным флагом малоросы, ну, пошумят на своей мове, будут вместо

как ни в чем не бывало. Кремль помыт, отдраен, сверкает как у кота бляшки. А кругом, как полагается, непролазная грязь. И посреди обязательная голевская лужа.

Что тут рыщеш, американка, французишка, немчишка. Какие советы хочешь ты нам дать. Как быть счастливыми в твоей манер. Чтобы был у нас свой Макдональдс, свой Мики Маус, свой блондинский рынок и власисдас. Наивняшка, зарабатывая здесь поскорее свои доллары, франки, марки и уноси ноги, а то неровен час...

Большая это страна. Охватишь ее сверху графиками, диаграммами, схемами, обсчитаешь компьютерами, а внутри она урчит, ворочается, сопит. И не устоят тут никакие кирхен, китчен и что-либо еще, не помню.

А что устоит. Что останется. Озвеете природа на наших Чернобылях, от иссушенных морей, повернутых рек и придаст нас нашими же отходами, отравляющими веществами. А потом поотдохнут от нас сотно-другую лет, оклемаются травы, распространят свои ветви деревья, пребывает сквозь пелену солнце, заблестит в зелени роса и распустится бессмертный отечественный ландшафт, толстовец, непротивленец злу насилием. Выйдет на поле хлебопашец. Отстроит каменщик города. И опять начнется та же самая бодяга. Да еще похлеще. Может даже в следующий раз успеют такие осуществить поворот рек. Вот почему Российская империя совершенно бессмертна.

Какому самому правоверному христианину придется в голову на деле исполнять заповеди Христовы. Ну, кто, скажите, вместо правильщиков подставит левую, полюбит врагов или перестанет застывать о хлебе насущном, а станет жить, как птицы небесные. А без этого как прорвать порочный замкнутый круг, дурную бесконечность и построить

Царство Божие на земле. Может быть с наплеванной рожей только что вылупившийся коммерсант станет. Чертыхнется. Не так он дурак. Что вы говорите. И совсем он не дурак. Разве что, посредственность. Но это не наказуемо. Это, знаете ли, от Бога. Деньги дать под это он может. Но чтобы сам, увольте.

Тогда кто? Русский интеллигент пошёл в демократы. Он митингует, руководит. Ему, извините, некогда. Хлебопашец в очередной раз стоит в очереди за землей. Надают его в очередной раз или нет. Вот в чем его гамлетовский вопрос.

Кажется некому. Нет такого социального слова. Только разве помимо социальных слов нет живых людей. Вдруг какой-нибудь Николай Петрович Кусыкин выйдет из всех партий, всех слоев, всех организаций и объединений по интересам и станет самим собой. Николаем Петровичем Кусыкиным и больше никем. Уже прилично перевалившим за тридцатник, даже скорее уже под сороковничек, но не "шестидесятничек", с намечающимся брюшком, но еще вполне мужчина в полном расцвете сил. Вот забастует Николай Петрович, выйдет из всех замордовавших его жизненных раскладов. И скажет, хватит. Человек ест гораздо больше, чем требует организм для поддержания жизнедеятельности. И его большее не станут волновать проблемы с колбасой. И сядет он на такую диету, что через неделю влезет в купленный еще в благословленные позднетолстартарные времена выходной костюмчик, надрастет кремом свои порядком пообившиеся туфли, на сэкономленную и совершенно не применимую зарплату купит жене на рынке самых дорогих цветов, все равно больше ничего не купишь, и поведет ее в театр слушать "Аида", потому как "Аида" точно так же, как Российская империя, совершенно бессмертна.

М. ШАТУНОВСКИЙ

"БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ КЕНТАВР"
выражает
благодарность

"ГУМАНИТАРНОМУ ФОНДУ"

за юридическую
и моральную
поддержку.

гору к Магомету
или в зврача
Творчу ману небесну». То есть
превращая каждый
кубический сантиметр бытия в про-
изведение

искусства, даже если от этого бытия в нашем распоряжении остается лишь сиюминутное, не очень разумное и далеко не самое доброе. Добившись полного и окончательного слияния жизни с искусством, мы сможем, в конце концов, демонтировать ненавистную метафору и решить таким образом проблему извлечения насущного из воображаемого. Не это ли единственный путь к спасению?

Осталось только сообразить, кому и на что пригодится это деметафоризованное пространство, спасенное от себя самого?

4.8.91г.

Н.ИСКРЕНКО

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ КЕНТАВР

№ 2

Литературная газета "НОВОЙ ВОЛНЫ"

Юрий АРАБОВ

Требование веры в современном мире.

То, что мир погружается в сумерки в конце веков и тысячелетий, что самые совестливые умы его ждут наступления Последних времен со времен Иоанна Богослова, не подлежит сомнению.

Ожидали Апокалипсиса в Европе тысячу лет назад, в 999 году, но не дождались. В России ожидания Противобога длиятся уже 300 лет, с конца семнадцатого века, с никонианской реформой, приведшей к Рассколу, и черты Князя Мира сего, обретающего вдруг плоть и кровь, наблюдались то в Петре Великом, то во вторгшемся в российские пределы Наполеоне, и — уже совсем близко, совсем похоже — в Сталине, оказавшемся значительно темней и проворнее, чем его конкурент в мировые диктаторы, примеривший... не корону, нет, а тиару в грохочущем металлом Германии. Я пришел, чтобы дать вам новую религию! — эти слова Гитлера как-то не берутся в расчет историками, озабоченными более политико-социальными реалиями 30-х годов, чем мистическими чувствами потомка австрийских медумов, однако для нас они могут сыграть не последнюю роль, и мы вынуждены будем к ним возвратиться несколько ниже.

Пока же... Пока столь же бесспорны краски угасающей культуры, играющие на... (хотел уже было сказать развалинах) нет, не на развалинах, с соредоточениями гигантских городов 2-го христианского тысячелетия, как и бесспорно то, что Апокалипсис может опять не наступить. О пять могут ошибиться совестливые умы, опять Монбланы человеческих жертв проглотят "равнодушную природу", и мы на своих "Бьюках" и "Жигулях" преспокойно въедем в двадцать первый век, в глубине души посмеиваясь над безумцами прошлых и нынешних времен, — сколько они нас пугали, а жизнь продолжается! Солнце светит всем, а с озойными дырами, войнами, коммунизмом и СПИДом мы как-нибудь справимся собственными руками. Дымы очистим, войны победим силой (то есть, целенаправленной супервойной со стороны "цивилизованных государств"), коммунизм запретим, а на детородные члены наденем качественные резинки. Вот, собственно говоря, и вся программа, простая, как мычание. Ведь все уже было. Рушился когда-то блестящий эллинский мир. На месте Римского сената варвары пасли скот. Во времена Бориса Годунова на базарах торговали вареной человечиной, а при голодах на Украине в 33-м родители ели детей. Все уже было. А человечество, тем не менее, "шло вперед". Хочется сказать: "Тем хуже для человечества", но мы постереожемся эмоциональных восклицаний.

Задумаемся лучше вот над чем: есть ли в нашем сегодняшнем угасании нечто принципиальное и новое, такое, чего бы не случилось в других, известных нам эпохах? Для этого мы вынуждены будем сразу отбросить в сторону все физические зверства, все клятвопреступления и детоубийства. Прелюбодеяния в этом случае покажутся нам ничтожными, содомский грех — знакомым, и даже крах коммунистической империи — частным крахом, который из глубины "будущих" времен покажется не больше кораблекрушения.

Сосредоточимся на человеке, на его внутреннем мире, который отпечатывается в искусстве и политике, и если там мы не найдем ничего "нового", то можно смело продолжать свой род, не заботясь о будущих детях своих, а всю апокалиптическую литературу сдать в архив за ненадобностью.

Поскольку "пушки к бою едут задом", настрем со времен "пушечных", с середины нашего уходящего столетия. Что, казалось бы, нам сегодня до этой середины, что с нее? Однако, есть что. Это будет ясно совсем скоро. Пока же внутренним взором попытаемся окинуть то время.

Мы увидим мир угрожающе пестрым. Запах горелого человеческого мяса коснется наших ноздрей. Гитлер объявляет войну "иудо-христианским" народам и цивилизации, которую они составляют. Западные демократии в смятении. В их арсеналах кроме евангельских заповедей, странно породненных с идеей частной собственности, нет ничего, что бы остановило германский "жар". Уже всего, что у них нет одного признанного лидера. Америка все еще "спит", только начиная выбираться из экономического кризиса, еще не осознав себя, еще не выработав доктрины, которая окажется "всепобеждающей" через каких-то тридцать сорок лет. Пока на роль "всепобеждающего" тянет сталинский коммунизм. Он и выигрывает, неожиданно для многих, мировую войну, уничтожит германский "жар" сибирским "холодом".

Америка к тому времени "проснется" от зазевавших из Европы пушек. И на мировой арене сядутся две силы, вернее, доктрины, обладающие некой схожестью, на которую мы сейчас постараемся указать. Однако, выигрыш одной или другой из них, потянет мир в разные стороны.

Вот они — Интернациональная и Космополитическая. Казалось бы, общее среди них то, что обе направлены вовне, то есть, разламывают национальные границы государств, не довольствуясь собственной "крышой", втягивают в орбиту множества народов, обе исходят из идеи "единого мира", через которую смутно просвечивают знаменитые слова апостола Павла: "Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезанного, ни обрезанного..." но на этом их сходства кончатся.

Авторов первой модели называть не приходится, так как имена их хорошо известны и изучались совсем недавно в советских школах и институтах. От Фурье до Сталина доктрина эта казалась столь же привлекательной, сколь и странной, так как была соткана из двух противоположных элементов. То есть равны были все, независимо отрас, национальностей и территорий, с одной единственной оговоркой — они должны были быть с оном и Классово-близкими. Таким образом, свое ум и руку (называвшемуся производно коммунизмом) известен и основному числу пишущих (в частности, людям гуманитарных занятий), однако увлекательность, азарт столь велик, что, оговариваясь и порой оправдываясь (как правило, в начале текста), авторы с восторгом скользят по намазанным жанровым и психodelическим рельсам в пучину завораживающего ужаса (ужас столь же захвателен, как и грех).

Собственно, вся публистика нынешнего времени (не оговаривая политических и цветовых различий) апокалиптическая (не оговаривая в данном случае, всех поводов и причин к этому). По типу апокалиптические писания представляются как религиозные, занимающиеся герменевтикой сакральных текстов и идентификацией исторических событий, соответствующих, по понятиям автора, некоторым знакам и предсказаниям религиозного первоисточника. Все предыдущие толкования приходится отменять как несостоятельные и несостоявшиеся. Научные или сиентистские сценарии, как правило, излагают новейшую (на момент писания) катастрофическую научную идею (всемирно похолодание или потепление, например, энтропия, приближающиеся кометы и т.п.) с предсказанием скорейшего ее воплощения. Потом эта идея забывается, т.к. оказывается, что она либо ложная, либо встроена в такой комплекс разнорабочающих механизмов, что непонятно, о чем и речь идет. Третий, культурологический тип писаний, обозревая нравы, изменения в культуре и искусстве, в психосо-

матике человека, изменения непонятные и не-прятанные автору, объявляет апокалипсис уже наступившим, т.к. в этом типе писаний нет реальных (или как бы реальных) критериев вроде научных или религиозно-догматических. Но, конечно, при определенном катастрофическом взгляде на жизнь и историю, мы постоянно живем в системе психологических и квазисторически совершающегося апокалипсиса (я обращаю ваше внимание на написание "апокалипсис" с маленькой буквы как презентант данного нам в ощущении Апокалипсиса с большой буквы). Подобное ощущение является постоянной составляющей быта культуры и искусства, так что в этом смысле обнаружение его и интенсивные переживания по этому поводу есть просто позднее явление зрелости сrudimentами юношеского максимализма.

Так что если на вокзальных часах остановились время, возможно, это конец света, но скорее всего — это испортился механизм. Хотя, конечно, конечно (как мы уже и указывали) мы не можем, да и не хотим абсолютно отрицать возможность первого.

Жанр и пафос апокалиптических писаний вполне известен, и в качестве известного (со всеми жанровыми особенностями и неумолимыми закономерностями) известен и основному числу пишущих (в частности, людям гуманитарных занятий), однако увлекательность, азарт столь велик, что, оговариваясь и порой оправдываясь (как правило, в начале текста), авторы с восторгом скользят по намазанным жанровым и психodelическим рельсам в пучину завораживающего ужаса (ужас столь же захвателен, как и грех).

Собственно, вся публистика нынешнего времени (не оговаривая политических и цветовых

различий) апокалиптическая (не оговаривая в данном случае, всех поводов и причин к этому).

По типу апокалиптические писания представляются как религиозные, занимающиеся герменевтикой сакральных текстов и идентификацией исторических событий, соответствующих, по понятиям автора, некоторым знакам и предсказаниям религиозного первоисточника. Все предыдущие толкования приходится отменять как несостоятельные и несостоявшиеся. Научные или сиентистские сценарии, как правило, излагают новейшую (на момент писания) катастрофическую научную идею (всемирно похолодание или потепление, например, энтропия, приближающиеся кометы и т.п.) с предсказанием скорейшего ее воплощения. Потом эта идея забывается, т.к. оказывается, что она либо ложная, либо встроена в такой комплекс разнорабочающих механизмов, что непонятно, о чем и речь идет. Третий, культурологический тип писаний, обозревая нравы, изменения в культуре и искусстве, в психосо-

матике человека, изменения непонятные и не-прятанные автору, объявляет апокалипсис уже наступившим, т.к. в этом типе писаний нет реальных (или как бы реальных) критериев вроде научных или религиозно-догматических. Но, конечно, при определенном катастрофическом взгляде на жизнь и историю, мы постоянно живем в системе психологических и квазисторически совершающегося апокалипсиса (я обращаю ваше внимание на написание "апокалипсис" с маленькой буквы как презентант данного нам в ощущении Апокалипсиса с большой буквы). Подобное ощущение является постоянной составляющей быта культуры и искусства, так что в этом смысле обнаружение его и интенсивные переживания по этому поводу есть просто позднее явление зрелости сrudimentами юношеского максимализма.

То есть, если на вокзальных часах остановились время, это, скорее всего, испортился механизм. Хотя, конечно, конечно (как мы уже и указывали) мы не можем, да и не хотим абсолютно отрицать возможность первого.

Сугубо апокалиптическое мышление (Апокалипсис с большой буквы) принципиально антиисторично (я не говорю об Апокалипсисе как о метафизическом пределе истории) и, соответственно, антикультурно, так как в свете воздвигаемой катастрофы всякие культурные и исторические мелочи, дефиниции (в том числе и факты церкви, как церкви исторически становящейся) носят не реальный, а весьма условно-метафорический характер, посему легко манипулируемы и трансформируемые. Так что претензии и обвинения нынешней культуры, воздвигаемые в укор по сравнению с культурой прошлой, весьма риторичны. Тем более, что локации "Золотого века" весьма детерминированы авторским культурным горизонтом и предпочтением, которые, в свою очередь, детерминированы многочисленными жизненными обстоятельствами, как-то: впечатлениями детства, уровнем образования, кругом друзей и знакомых, степенью вовлеченностии в культурную деятельность и т.п. Можно ужасаться порнографии и эротическим сочинениям (но ей-Богу, на фоне многовековых человеческих злодейств это не самое страшное), однако не менее могут потрясти иного и голые бабы, развещанные по музеям, считающиеся почему-то явлениями нравственной культуры. Вспоминается Даниил Андреев, поместивший в ад ненавистные ему джаз и конструктивистскую архитектуру, кстати, в наше время абсолютно утраченные для человека культуры конца XIX века. В наше время их заместителями становятся и что-нибудь вроде концептуализма-постмодернизма, или еще там что. Как правило, постулирование идеалов прошлого (давнего или недавнего) весьма нечетки и иллюзорны, и носят чисто символический характер (как и черты и факты им противоположной нынешней дьявольской культуры, естественно невозразимо-невоплощимы, посему являясь укором ныне живущим), и авторы просто наслаждаются (нечто вроде садо-мазохистской компенсации) приготовленным читателям концом мира сего и его, читателя, ужасу. Слово "наслаждение" (можно заменить словом "восторг") вынырнуло совсем неслучайно, так как набор фактов и доказательств столь хаотичен и необязательен, что служит только неким средством возгонки пафоса, который только и остается в памяти по прочтении текста. Собственно, подобный восторг известен со времен детских страшилок и пугалок, являющих тот же механизм реализации садо-мазохистского комплекса

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Библиотека Международного Мемориала